

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В АНГЛОСАКСОНСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена рассмотрению времени в преломлении к мифологическим представлениям, которые существовали в мифическую эпоху. Особое внимание уделяется определению основных характеристик мифологического времени. В статье также выявляются и анализируются основные характерные черты мифологического времени в англосаксонских эпических текстах.

Время в различных философских и лингвистических системах может характеризоваться различными признаками. В настоящее время в качестве основных называются следующие характеристики категории времени:

- время объективно и независимо от сознания человека, от способности человека воспринимать предшествующие и последующие события;

- время — форма бытия материи, не существует независимо от материи, иными словами, время является средой, в которой находятся объекты, и каждый объект находится на определенной точке времени;

- время непрерывно, в нем отсутствуют разрывы;

- время необратимо и имеет одно направление, оно течет из прошлого в

будущее; невозможно абсолютное повторение пройденных состояний и циклов — прошедшие события больше не существуют, а будущие еще не существуют; под этой характеристикой подразумевается открытость времени;

- время одномерно; оно имеет одно измерение.

Но для сознания современного человека, оперирующего обычным, как правило, а не объективным научным пониманием времени, время может переживаться, может быть субъективным: оно может расширяться и уплотняться, оно может останавливаться и нестись, оно кажется конечным, и, наконец, время может быть неоднородным¹.

Обратимся к анализу времени в преломлении к мифологическим представлениям, которые существовали в мифическую эпоху. Под мифической эпохой понимается эпоха активного, бурного мифотворчества, относящаяся к доисторическому периоду, когда человек творил «сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом»²; он создавал первопредметы, совершал перводействия, анализировал, обобщал и квалифицировал явления. В мифическую эпоху восприятие времени совершенно отличалось от наших представлений о времени. Время в современном обыденном сознании — это некий абстрактный континуум, однолинейный поток, необратимый и однородный, текущий из уже не существующего прошлого в неизвестное будущее. Для нас реально существует только настоящий момент — сейчас, а не прошлое или будущее. Архаический человек жил в эпоху, когда время еще не превратилось в фактор сознания. Время воспринималось не абстрактно, а конкретно, в неразрывной связи с потоком событий, с происходящим. Так индоевропейскому глаголу едва ли можно приписать временную функцию — глагол не фиксировал действие во времени. Первоначально в индоевропейскую эпоху существовала лишь категория вида, и глагольная система отмечала не столько

последовательность действий относительно друг друга, сколько их законченность, мгновенность, длительность.

Сакральное время является той основой бытия, которая повторяется, реактуализируется бесчисленное количество раз и пребывает вечно в настоящем: все события настоящего и будущего имеют свой священный первообраз в мифе, способный их объяснить и наполнить первоначальным смыслом. В силу этого вечного повторения сакральное время является циклическим, закрытым. В мифе выделяются два временных пласта: время объяснения явлений и время происхождения явлений. Таким образом, миф обычно совмещает в себе два аспекта: диахронный и синхронный. Миф — это повествование о каком-то первичном сакральном действии, которое произошло в начальное время³. Первопредки, первопредметы и первопричины относятся к некоторому начальному времени перводействия — «мифологическому прошлому» (которое не соответствует историческому прошлому), когда происходило создание космоса из хаоса и упорядочивание мира.

Культуры древности хранят верность прошлому; для них характерна высокая оценка прошлого, воспринимаемого как вневременная модель, а не как этап становления. Рассказ о мифическом времени созидания и творения прежде всего можно найти в мифах творения — космогонических, антропогонических, этиологических. В высшей мифологии представления о мифическом исконном времени могут трансформироваться в «золотой век» или, наоборот, в эпоху хаоса, подлежащую упорядочиванию силами космоса. Мифологические начальные времена остаются фоном в архаической эпике.

Для мифа характерна концепция циклического развития времени. Циклическость — понятие, используемое в теоретическом анализе мифологии, характеризующее особенности мифологической модели времени и истории. В наиболее полном виде концепция циклического времени представлена в книге

М. Элиаде «Миф вечного возвращения: архетипы и повторения». Человек архаических культур не пытался активно воздействовать на историю, но стремился органично вписаться в реальность через повторение архетипических мифологических моделей. Неразличение природного и человеческого миров, невыделенность человеческой личности приводили к тому, что в архаическом обществе протекание времени воспринималось в качестве регулярного чередования таких явлений, как день и ночь, зима и лето, умирание и весеннее возрождение, рождение и смерть. Жизнь архаического человека определялась природными и биологическими циклами, регулярными повторениями биокосмических ритмов, отраженными в обрядовой практике. Обрядовые действия, по М. Элиаде, переносят в мифическое первичное время, которое регулирует повседневную жизнь коллектива и индивидуума. Коллективные и индивидуальные ритуалы реактуализируют изначальное время посредством воспроизведения архетипических действий: освоение новой земли воспроизводит акт перехода от хаоса к космосу, каждое сражение — первый поединок предков или богов, а брак — первая брачная церемония. Сакральное время предстает как обратимое, прерывное и восстанавливаемое время, как «некое мифическое вечное настоящее»⁴. Сакральное время не течет непрерывно, без разрывов из прошлого в будущее, а состоит из независимых друг от друга временных образцов. Прошлое, настоящее и будущее рассматриваются не в диахроническом плане, а в рамках единой циклической модели мифологического времени. В силу этого прошлое может постоянно возрождаться в настоящем, являясь при этом и предопределением будущего. Так, в настоящем сливаются прошлое и будущее, существуя одновременно. Древний человек мог остановить, прервать течение непрерывного мирского времени, осуществить переход к времени мифологическому посредством подражания архетипическим образ-

цам⁵. Страх перед историей, прогрессом заставлял человека «отказаться» от истории. Защититься от истории можно было только через цикличность. Возвращение к началу, приобщение к Вечности означает достижение покоя, постоянства и гармонии.

В связи с этим следует привести важное замечание Е. М. Мелетинского о том, что в основе самых первых темпоральных представлений циклическая концепция времени подчинена линейной⁶. Так, при членении мирового древа по вертикали выделяются три временных пласта: прошлое—настоящее—будущее. В центре мирового древа Иггдрасиль в германо-скандинавской мифологии находится Мидград, где живут люди; наверху, на небе, находится царство богов — Асгард; а внизу — царство мертвых — Хель. Эти три мира не имеют границ, и можно без особых преград переходить из одного мира в другой. Носителями культа времени в германской мифологии были низшие божества — норны, определяющие судьбу людей и богов.

Ученые, исследующие специфику мифологического сознания, указывают на формирование языка бинарных оппозиций. Окружающая действительность осваивается носителем мифологического сознания посредством ее последовательной кодировки, с помощью ограниченного количества коррелирующих друг с другом констант, которые осуществляют ориентацию реалий в пространстве (верх/низ, земля/небо), во времени (день/ночь, весна/осень), в культурном пространстве (вода/огонь), в социуме (мужчина/женщина, старший/младший). Основопологающей парой становится оппозиция «сакральное/профанное». Исходной точкой пространственного развертывания в мифе становится некий центр, земная ось. Ей принадлежит максимум сакральности. После определения «точки отсчета» начинается формирование основных пространственных оппозиций «вода/суша», «небо/земля».

Мифологемы с признаком времени или пространства могут со временем ут-

рачивать связь с метаязыковой средой. Так, например, известное выражение *eye of the sky (the Sun)* имеет всеми уже забытую мифическую историю. В арийской мифологии, например, солнце описывается как «глаз неба». В Ригведе оно называется «глазом Митры, Варуны и Агии», у Гесиода это «всевидящий глаз Зевса». Древние германцы называли солнце «глазом Одина». Но современный читатель, декодируя стертую метафору «*eye of the sky*», вряд ли сможет установить многоаспектную связь, характерную для мифологического знака. Примером демифологизированных имен могут служить названия дней недели, каждый из которых «посвящен» в английском языке одному из древних германских языческих божеств: Monday (день Луны: планеты в языческой культуре, как правило, обожествляются), Tuesday (день бога Тиу, или Туиско), Wednesday (день Водана, или Одина), Thursday (день Тора, Доннара), Friday (день Фрей), Saturday (день Сатурна, — имена планеты и древнего божества сливаются).

В современном обыденном сознании названия дней недели у англичан не связываются напрямую с именами древних божеств. Однако сам факт сохранения таких имен в языке, их устойчивость к вытеснению языческой культуры христианской свидетельствует о существовании в национальном менталитете реликтов древних представлений мифологического времени — времени циклического, повторяющегося, осуществляющего движение «по кругу».

В мифе пространственно-временные отношения характеризуются синкретизмом. Изоморфизм пространства и времени находит свое выражение в структуре «мирового древа», ветви которого соответствуют как сторонам света, так и временам года, частям суток.

Мифологическое время проецируется в ткань литературного произведения, создавая при сочетании с другими видами текстового времени своеобразие жанра.

Деятельной средой персонажа является, как известно, пространственно-

временной континуум. Образ пространства и времени в ранних текстах представляет собой сложное единство. Пространство и время образуют в этом случае неразрывное целое — хронотоп. Любое полноценное описание предполагает «здесь-и-теперь», а не просто «здесь». Это сложное единство не может существовать без «я» — героя, который существует и действует во времени и пространстве. Изменение одного из параметров хронотопа ведет к перераспределению содержательных характеристик и функциональных возможностей мифологического героя. Так, мифологическое время специфически связано с космическим масштабом мифа и его интересом к коллективным судьбам племени. Мифический герой, живя и действуя в мифологическом, циклическом времени, где отсутствуют пространственно-временные границы, обладает гиперболической силой, смелостью, неистовостью, совершает подвиги во имя своего рода. Таковы герои германского эпоса. По мере движения от мифа к сказке циклическое время сменяется линейным, масштаб сужается, на смену активного мифологического героя приходит пассивный сказочный герой, добывающий блага для себя. Сказочный герой лишается тех магических сил, которыми по самой своей природе обладает герой мифологический. Его замещает волшебный помощник, который берет на себя функции, предназначавшиеся самому сказочному герою. Поэтому хронотоп, как представляется, содержит элементы, направленные на консервацию мифологического опыта, и элементы, обеспечивающие определенный эволюционный потенциал.

В мифе выделяются два временных пласта: время объяснения и время происхождения искомого явления. Первопредки и первопредметы относятся к некоторому исконному времени первотворения, когда мировой хаос претворяется в космическую упорядоченность, в чем и заключается основной и глубинный смысл всякой мифологии. Это время космологизации мира — «мифическое прошлое» —

наделяется сакральностью. Прошлое, настоящее и будущее рассматриваются не в диахроническом плане, а в рамках единой циклической модели мифологического времени. Все события настоящего и будущего, текущие исторические события, ключевые этапные моменты развития личности проецируются в сферу сакрального прошлого, способного их объяснить и наполнить первоизначальным смыслом.

Обратимся теперь к анализу времени в англосаксонских эпических текстах и к выявлению характерных черт мифологического времени, являющихся инвариантами при всех основных трансформациях, которым корпус эпических текстов подвергается в процессе своего становления и развития. При этом необходимо учитывать тот факт, что самые ранние из дошедших до настоящего времени эпических памятников англосаксонского периода относятся уже к классическим формам эпоса и, следовательно, достаточно удалены от своей первоформы — мифа.

Мифология и эпос представляют собой «последовательно развивающиеся ступени художественного познания действительности (природы и общества)»⁷. То есть эпос в генезисе своем является продолжением мифа и в процессе своего развития движется постепенно от мифа через стадию архаического эпоса (древнейших эпических преданий) к классическим эпическим поэмам и далее к историческим сказаниям, основанным на реальных исторических событиях. При этом необходимо учитывать тот факт, что эпос наследует многие черты мифологии, однако в процессе своего развития постепенно утрачивает яркость и отчетливость в проявлении приобретенных мифологических характеристик, которые, несмотря на это, продолжают присутствовать в редуцированном состоянии — на периферии или в виде формальных маркеров в текстах эпических произведений.

Однако характерные особенности мифологического времени вычлняются с

достаточной отчетливостью в эпосе «Беовульф», единственном сохранившемся целиком памятнике героического эпоса древних германцев; а также в так называемых «малых памятниках» («Видсид», «Битва в Финнсбурге», «Вальдере», «Битва при Брунанбурге»).

В героическом эпосе с давних времен находит свое выражение осознание прошлого, что является ингерентной характеристикой этого литературного рода. Напомним, что родовой характеристикой эпоса является особая организующая роль повествования, где речь выступает главным образом в функции сообщения о событии, отделенном от рассказчика временной дистанцией. Таким образом, центральным в эпической поэзии является изображение прошлого, которое потому и возносится так высоко, что, как правило, не связано с настоящим и тем более с будущим. «Изображаемый мир героев стоит на совершенно ином и недостижимом ценностно-временном уровне, отделенном эпической дистанцией»⁸.

При этом, однако, в англосаксонском эпосе отражается такая черта мифологического времени, как его цикличность — характеристика с константами цикла и вечного вращения. Эта особенность проявляется как в содержательном плане, так и на уровне композиции эпических текстов. Прошлое, настоящее и будущее рассматриваются в рамках единой циклической модели мифологического времени. События прошлого в мифологическом сознании возрождаются в настоящем и при этом могут предопределять будущее. Единый архаический сюжет борьбы героя с чудовищами, основанный на мифологическом мотиве борьбы с великанами и мотиве драконоборчества, переходит из прошлого (победа Сигурда над драконом в германо-скандинавской мифологии) в настоящее — победа Беовульфа над Гренделем (западногерманский эпос), а также предопределяет в будущем частные события — сражение Беовульфа с матерью Гренделя (ближайшее будущее), с драконом (отдаленное будущее) и глобальные события в

будущем «большом времени» — борьба добра и зла, героя — против хтонических сил, культурных наций — против деспотизма и пр.

Приведем еще один пример — поэма «Битва при Брунанбурге», относящаяся к жанру исторических песен, то есть хронологически к последней стадии развития англосаксонского эпоса, и, таким образом, наиболее удаленная от истоков эпоса и, разумеется, от мифа. Тем не менее, современные события, о которых повествуется в этом эпическом произведении, циклически повторяют события героического прошлого, записанные в «книгах древних историков».

Известно, что протекание времени в архаическом обществе воспринималось как регулярное чередование таких явлений, как зима и лето, день и ночь и т. д. Не все они представлены в англосаксонском эпосе. Однако смена дня и ночи в «Беовульфе» играет важную, сюжетобразующую роль. День для обитателей Хеорота, дворца Хродгара, наполнен пирами и весельем, но ночь не подвластна им. В течение двадцати лет Грендель приходит ночью в Хеорот и пожирает одного из воинов короля Хродгара с неизменной повторяемостью. Это являет собой пример цикличности в англосаксонском эпосе.

Прошлое в англосаксонских эпических текстах не могло быть изображено иначе, как через судьбу эпического героя, который тем самым приобретал черты исключительности (характерные для мифологических персонажей — очеловеченных богов). Эпический герой принадлежит времени великих событий — прошлому. Он актуализирован во внешних поступках.

Одной из важных черт мифологического времени в эпических памятниках являются имена собственные — антропонимы, топонимы, мифонимы. Именно последние представляют собой реликты того мифологического фона, который сохраняется в произведениях архаической эпической формации, широко представленных в скандинавском эпосе. В

англосаксонском эпосе количество мифонимов крайне мало. В качестве примеров приведем имя древнегерманского бога-кузнеца Веланда («Беовульф», ст. 455, «Вальдере», «Деор» ст. 1–14), а также имя меча, принадлежащего Вальдере — Мимминг (ст. 2–3).

Имя *Beo-wulf*, которое расшифровывается как «пчелиный волк», то есть «медведь», тотемическое животное, которое наделяется функцией Героя, определяет характер и внешнее поведение персонажа. Беовульф обладает смелостью, неистовостью, гиперболической силой (силой 30 человек), такой, что мечи ломались, когда он сражался ими, совершает подвиги во имя своего народа.

С категорией мифологического времени в эпосе «Беовульф» связаны также тема возраста героя и время его гибели. Два возраста Беовульфа — это одна из черт, разительно отличающих его от других эпических героев. Как правило, эпический герой изображается «вне возраста», хотя составляющие его жизнь события и складываются в определенную временную последовательность, где начальный и конечный отрезки ассоциируются с определенными человеческими качествами. Традиционно старость — это качество персонажа, особую мудрость которого необходимо подчеркнуть (как, например, Хротгар, который в силу своего возраста уже не способен дать отпор Гренделю, но ему принадлежит большинство дидактических речей, наполненных старческой мудростью и опытом), или качество персонажа, который играет пассивную роль в сюжете.

В отношении Беовульфа дело обстоит иначе. К возрасту героя привлекается усиленное внимание читателя. Возраст Беовульфа на протяжении поэмы меняется. Так, в первой, большей по объему части он молод, он приобретает славу своими подвигами в датском королевстве. При этом его молодость — это не возраст как таковой, а характеристика его как победоносного героя, призванного восстановить былую мощь и славу датской державы. Во второй части, пове-

ствующей о последнем сражении Беовульфа с драконом, где он уже старец, подчеркиваются не возраст и немощь, а идея приближения смерти. Такая трактовка возраста героя перекликается с одной из характеристик мифологического времени — с его условностью. Жизнь мифологического персонажа представляется застывшей, постоянной, в ней, как правило, отсутствует развитие. В германо-скандинавской мифологии, например, Один — всегда старик.

Практически то же происходит с Беовульфом в рамках каждой из двух частей поэмы, где он живет и действует в застывшем постоянном возрасте.

Гибель героя связана с темой крушения, которая постепенно становится всеохватной в поэме. Смерть Беовульфа сливается в ней с изображением гибели всего героического мира.

þæt hio hyre heofungdagas wælfylla worn, hynðo ond hæfnýd. (3153–3155)	hearde ondrede, werudes egesan,
<i>страшное</i>	
<i>Время близится</i>	<i>смерть, грабежи</i>
<i>И битвы беславные.</i>	

Перед нами своего рода локализованное описание мировой катастрофы, характерное для эсхатологизированной германо-скандинавской мифологии. Это страшное время показывается в поэме не только как будущее, но и как то, что уже свершилось или постоянно свершается. Таким образом, будущее и прошлое мыслились такими же реальными, как и настоящее (еще одна черта мифологического времени). Этому способствуют отрывочные рассказы о распрах, братоубийствах и гибели целых народов. В общем, вставные эпизоды характерны для «Беовульфа», но к концу второй части поэмы повествование утрачивает связность за счет постоянных вставок, все торопит время к тому рубежу, когда превратятся в развалины города и крепости и скитальцы будут скорбеть о своем прошлом.

Тема гибели героя присутствует в героическом эпосе также в несколько иной форме. Мотив смерти или «едва-не-

смерти» героя реализуется в героическом эпосе еще одним знаменательным способом: вместо героя погибает другой персонаж, чаще — его друг. В мифологическом плане идея субститута восходит, по-видимому, к концепции богов-близнецов, проявляясь в героическом эпосе как «герой и его помощник-друг». Важнейшая функция субститута — это смерть за героя в обстоятельствах, по логике которых смерть в первую очередь угрожает самому герою. Так, Беовульф побеждает Гренделя, но непосредственно перед поединком Грендель пожирает одного из воинов дружины Беовульфа. Соответственно перед поединком с матерью Гренделя она умерщвляет другого воина Беовульфа — Эскера. Более того, мотив субститута имеет параллели не только в мифе, но и в соответствующем ему ритуале замещения человеческой жертвы.

В качестве отчетливого проявления мифологического времени в англосаксонском эпосе необходимо отметить такую его черту, как отсутствие пространственно-временных границ, что реализуется в эпических текстах на конкретных примерах. Это соревнование по плаванию между Беовульфом и Брекой, когда герои преодолевают значительное с географической точки зрения расстояние (расстояние, отделяющее королевство геатов от королевства финнов) за короткий промежуток времени. Здесь опять выходит на первый план сверхсила главного героя. Еще более крупным примером представляется каталогическая поэма «Видсид», главный герой которой в течение определенного промежутка времени посещает значительно удаленные друг от друга страны и государства и исторический период времени, описываемый в поэме, охватывает несколько веков.

Англосаксонский эпос уже достаточно отчетливо дистанцирован от мифа, сохраняя отдельные его черты как реликтовые. На смену ярким чертам мифологического времени приходят черты квазиисторического, наделенного внешними чертами историчности. Однако цель, на осуществление которой направлены но-

вые квазиисторические черты, по сути остается неизменной. Так, «героический век», который, собственно, присутствует во всех произведениях героического эпоса и сохраняется частично, пусть на уровне идеалов и идей, в исторических песнях англосаксов, выполняет ту же функцию, что и мифологические ранние времена, которые остаются фоном в архаической эпике и проявляются в отдельных примерах в классических формах эпоса. Поэтому представляется возможным рассматривать вновь приобретенные черты как субституты мифологического времени, изменившие свою историческую ориентацию (с внеисторического времени мифа на эпический квазиисторизм), но сохраняющие основные функции в структуре эпического текста.

Героичность и героическое в эпических текстах

Мир эпических поэм, отделенный от действительности «абсолютной эпической дистанцией»⁹, одновременно близкий и далекий его создателям и слушателям, создается певцом за счет использования бесчисленных поэтических, исторических, бытовых ассоциаций. Однако эпический мир, в котором отразилось поэтическое мировосприятие, является лишь отражением реального мира. Ведь даже в классических эпических произведениях объектом изображения является идеальное героическое общество, в котором короли, королевы, чудо-богатыри и герои-воины противостоят подземным чудовищам.

Время в эпическом мире подчинено закону героического. С одной стороны, оно героично уже потому, что принадлежит «героической эпохе», с другой стороны, оно определяется героическим действием и не мыслится вне его. Время действия поэм англосаксонского героического эпоса — германский «героический век» — эпоха Великого переселения древнегерманских народов.

Отнесение действия к «героическому веку» создавало единство эпического

времени, его относительную замкнутость, что позволяло выработать незначительные по количеству, но запоминающиеся приметы «героического времени». Так, в качестве символов этого времени выступают легендарные исторические личности: Этла (Аттила) (Видсид, 18) — величайший из гуннов, Теодрик (Деор, 18–19; Видсид, 24) — король франков, Эорманрик (Деор, 21–27; Видсид, 8) — величайший из готов. Широко используются вставные рассказы о реально существовавших народах (данах, финнах) и реально происходивших событиях (битва в Финнсбурге, поход Хигелака), которые засвидетельствованы хрониками. Все это способствовало тому, что действие англосаксонского героического эпоса воспринималось древними слушателями как быль, как действительно происходившее. Кроме того, в качестве вех «героического века» использовались неизменные имена персонажей и названия местностей, где они совершили свои подвиги, хотя при этом сами подвиги и события порой перерабатывались до неузнаваемости, как, например, в двух отрывках эпической поэмы «Вальдере», которая представляла собой наиболее раннюю германскую версию популярного в средневековой Европе сказания о Вальтере Аквитанском.

Выше отмечалось значение для эпической темпоральной организации имен собственных легендарных исторических личностей: королей и вождей, живших в так называемый «героический век» германцев.

Наличие групп антропонимов такого типа способствовало поддержанию одной из специфических черт эпоса — (квази)историзма. В отличие от «героических», знаковых имен, принадлежащих всеобщей истории, имена англосаксонского происхождения соответственно принадлежащие «своей», близкой истории (Эадверд — Этельстан — Эадмунд — Этельред; Вульфстан — Вульфмер; Бюрхтельм — Бюрхтнот — Бюрхтвольд; Годрик — Годвине — Годвиг и т. д.), соотносят эпические произведения с кон-

кретными и определенными фактами, свершившимися в истории данного народа, для последующих поколений они — пример для подражания¹⁰.

Рассмотренные выше особенности мифологического времени в структуре эпических текстов наиболее полно проявляются в классической героической эпосе «Беовульф», что объясняется как ее содержательно-композиционной структурой, так и большим по сравнению с другими англосаксонскими эпическими произведениями объемом.

Вышесказанное, однако, не умаляет значимости хоть и немногочисленных, но разнообразных по своей жанровой принадлежности других сохранившихся эпических текстов, так называемых «малых памятников» англосаксонской эпической поэзии. Остановимся более подробно на некоторых из них, отмечая различные проявления характерных черт мифологического времени: «*Битва в Финнсбурге*»¹¹ и *Исторические песни англосаксов*.

Проявление содержательных и формальных особенностей временной организации имеет в эпическом тексте «Битва в Финнсбурге» противоположные тенденции. Так, в военном конфликте, которому посвящено это произведение, участвуют реально существующие племена, что значительно снижает условность исторического фона, характерную для «Беовульфа». Сам сюжет ни по времени, ни по другим признакам (наличие знаковых имен собственных) не приурочивается к «героическому веку» и тем более не имеет каких-либо мифологических черт. Персонажи «Битвы в Финнсбурге» являются реальными историческими личностями недалекого по отношению к эпохе написания поэмы исторического прошлого. О популярности сюжета этого сказания у англосаксов свидетельствуют упоминания Финна и Хнэфа (главных действующих лиц) в строках 27 и 29 «Видсида» и в особенности его использование в «Беовульфе» в качестве вставного эпизода, где согласно сюжетной линии песнь на тот же сюжет звучит на

пиру у датского конунга Хродгара (строки 1063–1159)

Исторические песни англосаксов повествуют о реальных исторических событиях, засвидетельствованных древнеанглийскими хрониками и, вероятно, сложены участниками, очевидцами или, по крайней мере, современниками событий, о которых в них повествуется. Эти события самоценны и замкнуты. Таким образом, эти эпические произведения отражают тот (последний) этап в развитии раннего литературного эпоса, когда практически утрачиваются все связи с мифом.

Исходя из этого, темпоральные характеристики эпического мира исторических песен англосаксов существенно отличаются от эпического мира англосаксонского героического эпоса. Поскольку исторические песни повествуют о реальных исторических событиях, их эпический мир полностью замкнут сюжетным временем и строго приурочен к тому месту, где описываемое событие произошло на самом деле. Никакие побочные темы, сюжеты, повествования, столь характерные и популярные в героических эпосах, не расширяют временные и пространственные рамки исторических песен. Их время — это близкое прошлое, пережитое многими и известное всем слушателям. Именно для исторических песен характерно использование многочисленных имен собственных англосаксонского происхождения. Здесь уже невозможно установить временные связи с «героическим веком» древнегерманских народов: никакие знаковые фигуры или события не включаются в повествование, да этого и не требуется по причине замкнутости события и времени его протекания в самом себе. Более того, концентрированность, одноплановость действия создает и специфическую структуру эпического мира, время строго однолинейно и не допускает скачков. Действие последовательно развивается во времени, эпизоды следуют один за другим. Причем развитие именно этой формальной характерной особенности эпического времени

идет по линии ужесточения критериев проявления: в исторических песнях не используются различные дигрессии, поскольку это обосновано не только требованиями данного жанра, но и самим сюжетом произведения. Ограниченные своим малым объемом исторические песни повествуют о конкретных событиях, как правило, о военных столкновениях, где нет места пиршествам и застольям, во время которых по сюжету героических эпоей и исполнялись песни, составляющие краткие отступления.

Однако в обоих случаях («Битва в Финнсбурге» и исторические песни англосаксов) связь с мифологическим временем все же не утрачена полностью. Единственная реликтовая связь (кроме проявления цикличности в «Битве при Брунанбурге») — это трансформация архетипического мифологического сюжета борьбы героя с чудовищами, который, однако, в указанных произведениях претерпел значительные изменения. Здесь в качестве собирательного образа героя действуют воины-англосаксы, функцию же подземного чудовища, трансформированного во врага, выполняют иноземные племена-захватчики.

Подводя итог вышизложенному, можно утверждать, что, несмотря на значительные изменения, которые произошли внутри эпического рода на протяжении его развития, эпос все же не утратил полностью связь с мифом как своей первоформой. Это проявляется, прежде всего, в степени и особенностях отражения мифологического времени в эпических произведениях различной жанровой принадлежности. К основным особенностям мифологического времени в англосаксонском эпосе относятся цикличность, связь прошлого, настоящего и будущего, отсутствие пространственно-временных границ, трансформация архетипических мифологических сюжетов, мотивов и образов.

Статус мифа в современной литературе нельзя рассматривать только как стилевое явление. Миф выполняет формально-структурную функцию. Миф приходит в современное произведение

в первую очередь как способ художественной организации материала, подчиняющий реалистическое, бытовое, конкретное содержание законам концептуального пространства и времени, воспроизводящий известные архетипические системы. В то же время миф выступает в качестве содержательной формы, утрачивая первоначальное содержание, миф переосмысливается на новом уровне.

Деритуализация, десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, демифологизация времени действия, замена времени первотворения строгой локализацией в рамках космической модели мира неопределенным сказочным временем и местом действия, исчезновение цикличности и замена ее линейностью, низведение мифического героя до обыкновенного человека — все эти моменты являют собой ступеньки проспективного процесса перехода от мифа к сказке. Это путь формирования временной перспективы с точкой отсчета в прошлом. Миф переносит читателя в эпоху, когда все приобретало свое естество, когда создавалось все, что продолжает существовать. Мифическое прошлое вневременно потому, что для архаического сознания оно так же реально, как настоящее. Время мифа для его хранителя и рассказчика не отошло в прошлое; мифологическое повествование заканчивается соотношением событий с настоящим сложением мира или его будущей судьбой. Так, в «Прорицании вельвы» и в «Младшей Эдде» в рассказе о конце мира только изредка появляется модальное будущее, тогда как господствует форма настоящего времени. Время же сказки — это заведомо условное прошлое, несуществующее время (и пространство). Нет сомнений, что героический эпос и сказка вырастают из мифа. Процесс превращения связан со сменой мифологического сознания эпическим и историческим, а затем — бытовым. Далее мифологическое сознание не исчезает, оно продолжает существовать: оно получает новое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М., 1994. С. 87.
- ² Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 126.
- ³ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 63.
- ⁴ Там же. С. 49.
- ⁵ Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб., 1998. С. 58–60.
- ⁶ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1995. С. 176.
- ⁷ Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974. С. 107.
- ⁸ Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 475.
- ⁹ Там же. С. 456.
- ¹⁰ См.: Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
- ¹¹ До настоящего времени дошел лишь краткий фрагмент песни «Битва в Финнсбурге», и то лишь в списке, поскольку сам пергамент был утрачен. Несмотря на малый объем сохранившегося фрагмента, анализ этого небольшого эпизода позволяет сделать вывод о том, что многие приметы эпического мира этого типа поэм заимствованы англосаксонскими поэтами из общегерманских эпических повествований).

I. Rubert, N. Dolgova

THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE MYTHOLOGICAL TIME IN ANGLO-SAXON EPIC

The present article is devoted to the consideration of Time as interpreted within the framework of the mythological conceptions that existed in the mythical epoch. A special attention is given to the definitions of the main characteristics of the mythological time. The characteristic features of the mythological time in the Anglo-Saxon epic are revealed and analysed in the article.